

А. В. Гик

*Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва)
annagik@yandex.ru*

ЯЗЫК ДНЕВНИКОВ МИХАИЛА КУЗМИНА: ГРАММАТИКА, СЛОВАРЬ, СТИЛИСТИКА

Доклад преследует цель дать лингвистическую интерпретацию и эволюцию языка в дневниковом дискурсе М. А. Кузмина, одного из значительных представителей русского серебряного века. В настоящий момент опубликованы записи, охватывающие примерно тридцать лет жизни поэта – от дневника 1905–1907 годов до дневника 1934 года (Кузмин М. А. Дневник 1905–1907 / Подг. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.; Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Подг. текста и коммент. Н. А. Богомолов и С. В. Шумихин. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. 864 с.; Кузмин М. Дневник 1921 года / Публ. Н. Богомолова и С. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 12. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 423–494; Вып. 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс, 1993. С. 457–524; Михаил Кузмин: Жизнь подо льдом (Дневник 1929 года) / Публикация, предисловие и комментарии С. В. Шумихина // Наше наследие: Редакционный портфель. // http://www.nasledie-rus.ru/red_port/Kuzmin10.php; Кузмин М.А. Дневник 1934 года / Под ред. Г. Морева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011).

Анализ текста планируется провести по уровням: от структуры и композиции записей до грамматических и лексических особенностей воплощения различных тематических блоков. Прослеживается эволюция фиксирующего стиля дневников 1900-х годов. От записей фиксирующего типа, описывающих в том числе внутренние переживания автора, до обращения к внешнему миру в поздних дневниковых текстах. От событий прошедшего дня к воспоминаниям. Структура записи дореволюционных дневников является однородной. Сообщения о событиях дня могут перемежаться с сентенциями общего характера. Заметки о прожитом ведутся с использованием глаголов прошедшего времени.

Структура дневника 1934 года резко отличается от записей начала века. Она содержит дополнительную рубрикацию не только по датам, но и смысловые подразделы. Появляются записи мемориального плана: воспоминания о «Башне» Вяч. Иванова и др., общефилософские и критические замечания (ср. рубрикацию внутри записи одного дня – Июль 1934 года: «10 и 11 (вторник, среда): Романы 70-х годов... Спящие птицы; 12 (четверг): Прогулки; 13 (пятница): Песня. ... Подъезд; 14 (суббота) Немецкий элемент»).

Подробный анализ всех уровней текста, учет структуры «чужой речи» [Гик 2019], передачи «внутреннего субъекта» текста станут отправной точкой для описания эволюции языка и стиля. Семантико-стилистическая характеристика лексики в сравнении с поэтическими и прозаическими произведениями поэта

позволяет подробно описать идиостиль дневников поэта. Так Кузмин использует большое количество французских слов, встраивая их в русские предложения: *«Кто сказал, что путешествия развлекают, заставляют забывать, успокаивают? Особенно пароходы по Волге, что может быть банальнее, скучнее, более ёсоеurant?...»*, 1906, 14–15 июля (ёсоеurant – отвратительно). Смешение грамматических и лексических законов родного и иностранного языка достаточно, чтобы стать приметой дневникового стиля. Макароническое письмо характерно именно для дневниковых записей поэта.

Использование разговорной и сниженной лексики также становится ожидаемой приметой дневника: *«Очень весело и обнадеживающе. Только нельзя на нем держать всякой пыльной муры»* (о стекле на письменном столе), 14 сентября 1934 г. Используются слова на случай: *«Положим, тетя получит дело; расплатясь с первейшими долгами, одевшись в европейское платье, съездив куда-нибудь 2 раза за город – вот и опять старое постоянное нехватанье»* (об отсутствии денег), 23 июля 1906 г.

Текст дневника передает естественный процесс появления мыслей [Зализняк 2010]. При переходе от описания дел прошедшего дня к размышлениям «вне времени» именно случайность становится связующим звеном записей (об общих принципах создания дневниковых записей писателей начала XX века подробно рассуждает Н.А. Богомоллов [Богомоллов 1999]).

Язык дневника Кузмина характеризуется синтаксическим «минимализмом». Автор редко выходит за рамки простых предложений, при передаче чужой речи – сложноподчиненных. Кузмин останавливается на описании всей ситуации, без стилистического выделения особо значимых или малозначимых событий. Все факты дня становятся равнозначными, облакаются в форму однородных членов предложения. На упреки друзей, что дневник Антиноя (имя Кузмина в обществе «гафизитов») становится «все более однообразным и неинтересным», Кузмин отвечает: *«Разве я должен жить так, чтобы дневник был интересен? Какой вздор!»* [Кузмин 2000: 186].

ЛИТЕРАТУРА

Богомоллов Н.А. Дневники в русской культуре начала XX века // Он же. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 201–212.

Гик А.В. Способы передачи чужой речи в дневниках М. Кузмина // Русский язык: Исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. ф-т МГУ имени М.В. Ломоносова, 20–23 марта 2019 г.): Труды и материалы. М., 2019. С. 487–488.

Зализняк А. Дневник: к определению жанра // НЛО. № 106. 2010. С. 162–180.

Кузмин М. Дневник 1934 г. / Под ред. Г. Морева. СПб., 1998.

Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / Предисл., подг. текста и коммент. Н.А. Богомоллова и С.В. Шумихина. СПб., 2000.

Кузмин М.А. Дневник 1908–1915 / Подготовка текста и коммент.
Н.А. Богомолов и С.В. Шумихин. СПб., 2009.